

АЛЕКСАНДР БУШКОВ ВЛАДИМИР ВЕЛИЧКО

АНТИМИРЫ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Заповедник
Соперники Смерти

Заповедник

Александр Бушков

Заповедник. Соперники Смерти

«Яуза»

2014

Бушков А. А.

Заповедник. Соперники Смерти / А. А. Бушков — «Яуза»,
2014 — (Заповедник)

Наша Вселенная – поле битвы высших Сил и древних цивилизаций. Наша реальность – последний Заповедник среди множества миров, стгоревших в ядерном огне. Оказавшись на соседней Земле, где на месте твоего родного города радиоактивные трущобы, а человеческая раса вымирает после атомной войны, – останешься ли ты сторонним Наблюдателем, «добру и злу внимая равнодушно», или примешь неравный бой за спасение этого мира?

© Бушков А. А., 2014

© Яуза, 2014

Содержание

Красноярск 2013 г.	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	29
Глава 8	32
Глава 9	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Александр Бушков, Владимир Величко

Заповедник. Соперники Смерти

© Бушков А.А., 2014

© Величко В.М., 2014

© ООО «Издательство «Яуза», 2014

© ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Красноярск 2013 г. Пролог

*Глядя в небо – мы рассматриваем Пространство, а видя в нем
Звезды – мы созерцаем само Время.*

В. Марлов

*Поднявшись над современным уровнем человеческого познания, мы
очутимся в мире, где Время, в нашем теперешнем понимании, станет для
нас Пространством.*

В. Марлов

В Абсолютной Черноте и неподвижности Вселенной появилось Нечто Движущееся. Сначала было неясно, то ли это действительно движение некоего объекта, то ли это обман зрения, вроде иллюзии. Но вскоре движение объекта как-то упорядочилось и стало вполне различимым, и тогда же начал вырисовываться какой-то неясный контур, рисунок... человека? Человека!!! Да, да, обыкновенного человека в темной легкой курточке, темных джинсах и белых кроссовках. Волосы его были светлыми. На бесстрастном и холодном, как чернота космоса, лице играли отблески звезд Вселенной. И если раньше возникало ощущение, что человек двигался и приближался, то в какой-то момент он замер, став абсолютно неподвижным. И только едва заметные движения грудной клетки – вдох... выдох – давали понять, что это не изваяние. Он «стоял» неподвижно, глядя на то, что называлось Вселенной во Времени. Она, безмерно-огромная в пространстве, одновременно была ему видна и во времени, что называется, «от рожденья и до тризны»... Человек стоял и смотрел, причем было отчетливо видно, что он не просто любуется красотой Звездного цветка Вселенной, он напряженно думает!

Он видел то, что миллиарды лет спустя Разумные на одной из планет назовут Большим Взрывом, чуточку повернув голову, он видел первые этапы формирования протозвездных облаков, первые сгущения и уплотнения их. Видел он и вспышки первых звезд, образование протогалактик и возникновение их спиральных рукавов... Приглядевшись внимательнее – для чего ему пришлось передвинуться на десяток световых лет, – он увидел, как в уже сформировавшемся третьем спиральном рукаве Галактики вспыхивает новая звезда. Именно ее спустя миллиарды лет Разумные с третьей планеты сначала нарекут Тонатиу, а потом Землей. Полюбовавшись планетами и родной звездой, он посмотрел немного пристальней, отпуская поле своего ясного сознания в начальные периоды появления живых существ: первых стегозавров, динозавров. Неожиданно все ментальные поля исчезли. Появилось ощущение, что эти гигантские ящеры – механизмы, не живые, или... или всех их накрыли защитой, не пропускающей излучения. А чуть позже исчезла поверхность планеты, а дальше исчезла и сама планета. Ее не было. Он только ощущал, как совершает она свои бесконечные круги по орбите. И только! Это было необычно, это было тревожно, потому что он, Человек, волею рождения и данных ему способностей ставший наравне с Богами, ничего поделать и ничего понять не мог! Все время – а это почти два миллиона лет – планета была, и одновременно ее не было. И лишь спустя миллионы лет, в самом конце эры динозавров, планета, прародина человека, снова стала видна, стала доступна для обозрения. Но последние из Великих Ящеров уже вымерли. По бесконечным равнинам бродили еще живые, но одинокие Ящеры Страннорукие. Их позже назовут Дейнохейрус! Они единственные имели развитые верхние конечности – почти человеческие! Великая загадка Третьей Планеты – *Deinocheirus Sapiens*.

Глава 1

Здравствуй, Заповедник!

*Не уходи, помедли, Осень
Дай налюбуюсь вдоволь, не спеши...
Твоих берез желтеющие косы
Так трепетно-печально хороши.*

Михаил Величко

Тайга. ... Необозримая сибирская тайга! Когда она исхожена тобой вдоль и поперек, когда ты ее знаешь и понимаешь, то поневоле теряешься. Что и как надо о ней написать, чтобы человек, ни разу ее не видевший, проникся? Одно из лучших описаний тайги и жизни в ней есть у Григория Федосеева – геодезиста и писателя. Читайте и поймете, какая она – тайга. А вообще-то она разная. Тайга Горной Шории – это гигантские ели высотой в пятиэтажный дом, со стволами в четыре обхвата. Ветви у таких елей начинаются на высоте 5–6 метров. Идти по такой тайге – мука! Это жуткий и непроходимый бурелом. Северная тайга совсем другая – это довольно чахлая лиственница и корявый, но могучий кедр. Под ногами стланик и карликовая березка – штанодер! А грибы в северной тайге – фантастика. Можно косить. Белый гриб имеет шляпку до 50 см в диаметре. Но наилучшие грибы – рыжики. Их можно есть сырыми. А если солить, то через два дня они уже готовы. Тайга – это заботливая мать. И накормит, и обогреет, и укроет. Даже зимой. Но зимой она может стать и мачехой, если оплошаешь. А какие летом в тайге бывают комары! Сядет такой комарище на спину и кэ-э-к воткнет жало, так оно – не поверите! – из живота вылезет! Во зверюги! А тот самый пресловутый гнус (он же мокрец, он же мошка, мошкара), вот он – страшен по-настоящему. Имеются, конечно, средства и против гнуса, имеются, но... лучше не надо. Гнуса не надо.

Тайга у Города, в Заповеднике, совсем другая. Культурная. Хотя и довольно нетронутая. Ее в Заповеднике не пакостят, жалеют.

...На одном из таежных перевалов стояли трое друзей: Кэп, Док и Техник, которого еще со студенческих лет окрестили Тексом. Четвертый – Монтажник, он же Монти – должен был догнать их позднее. Итак, стояли они и любовались именно такой, относительно культурной тайгой. Из сплошного желто-зеленого ковра тайги, покрывающей горы, выступали громады скал. Одни – поближе, другие – далекие. Это была их юность и молодость. Вдруг Док проделамировал:

*Холмы – это вечная слава.
Ставят всегда напоказ
на наши страданья право.
Холмы – это выше нас.
Всегда видны их вершины,
видны средь крошечной тьмы.
Присно, вчера и ныне
по склону движемся мы.
Смерть – это только равнины.
Жизнь – холмы, холмы...¹*

¹ И. Бродский.

– Лирик, блин, – проворчал, отдуваясь, Кэп, – пошли дальше... Нам еще топать, да топать... десяток километров, не меньше...

– Да успеем... Отвык ты, морячок, в рубке своего дредноута ногами шевелить, отвык, – ехидно произнес Текс. – В прежние годы мы от этого места до стоянки за полтора часа добежали... а то и быстрее.

– Ага, добежали, – огрызнулся Кэп, – лет тридцать назад...

– Да, ребята, пошли, – поддержал Кэпа Док, – нечего резину тянуть.

И – закинув за спину рюкзаки, они друженько двинулись дальше. Тропка, хорошо выбитая ногами туристов и усыпанная желтым листом, то поднималась вверх, петляя, то резко падала вниз. Тропу буквально на каждом шагу пересекали узловатые корни сосен, что стояли вдоль тропы. Из-за них она почти везде имела вид лестницы с неравномерными ступенями...

Вскоре они свернули на едва заметную стежку, уходящую в сторону, в долину. Там оставались.

– Раньше она пошире была, – отметил грустным голосом Кэп, – гораздо шире.

– Так это хорошо, мало ходят... Значит, на нашем месте почти наверняка никого не будет, – возразил Док, потом, помолчав, спросил:

– Ребята, а Монти не проскочит поворот на эту тропку?... Уж слишком она заросла.

– Не, это Кэп проморгал бы поворот, ведь последний раз он здесь был – когда, Кэп? – повернувшись к нему, спросил Текс.

– Да лет уж двадцать прошло, – ответит тот.

– Вот видите, а Монти каждый год здесь шастает, так что не бойсь, дохтур, через часок он нас догонит!

И друзья снова зашагали по еле заметной и сильно заросшей тропке, которая с каждым десятком метров все круче и круче опускалась в сырость распадка. Вдруг резко потемнело – будто кто свет выключил, вернее, не выключил, а сильно притушил. Это было так неожиданно, так внезапно, что они разом остановились и уставились на небо. Полумрак – и даже не полумрак, а что-то похожее на туман – окружал друзей. Причем этот туман возник как-то сразу, со всех сторон одновременно – вот его не было, а вот – они уже в тумане. И еще – тишина! Ватная тишина. Не было слышно ни шума ветра по вершинам деревьев, ни звука птичьих голосов. Стало как-то зябко, тоскливо, даже тревожно.

– Дождь, что ли, натягивает? – задумчиво спросил Кэп. Голос его звучал глухо и тихо – будто он стоял не в шаге от Дока, а метрах в пятнадцати.

– Наверное... даже птиц не слышно... да и деревья не шелхнутся. Не иначе гроза надвигается, – недоуменно оглядываясь по сторонам, произнес Текс.

– Ладно, ребята, двигаем, двигаем! Если гроза – палатку надо успеть поставить...

И, заметно ускорив темп, друзья поспешили вниз. Еще полчаса пути, и вон за тем поворотом заветное место. Вот этот приметный и огромный сиенитовый валун, сейчас его огибаем и... друзья останавливаются как вкопанные, ибо у южного склона гор, окружающих их заветную поляну, стоит дом! Вернее, не дом, а обычная, столь характерная для этих мест лесная избушка. Они молча стояли и, разинув рты, смотрели на нее. Изба как изба. Одно подслеповатое окошко, маленькие сени из неструганных досок, крылечко из пары грубо стесанных топором бревен... Неширокий дощатый навес сбоку от домика забит наколотыми дровами. У спуска к ручью еще один навес, под которым приютилась кирпичная летняя печка. Из трубы курится еле заметный дымок. Недавно топлена, погаснуть не успела...

– А я и не знал, что здесь домик поставили, – удивленно молвил Текс.

– Да-а-а, – озадаченно протянул Доктор, – сюрприз.... И Монти – вот ведь гад! – ни словечком не обмолвился.... Что делать будем? – задал он волновавший всех вопрос.

– А что тут думать? Идем в избушку, а там... или ночуем, или ставим палатку на свободном месте – другого нам ничего не остается, да и времени в обрез. И гроза, – откликнулся Кэп. И друзья, отлепившись от валуна, двинулись через поляну по высокой и пока еще сухой траве туда, к избушке.

Пройдя метров двадцать, они остановились. Из-за угла дощатого навеса вышла здоровенная – они и не видели таких никогда! – собака и тоже остановилась. Овчарка? Волк? Она стояла, глядя на друзей, и в ее желтых маленьких глазах мерцали нехорошие – ох, нехорошие! – огоньки. Приподняв голову и не отрывая от появившихся путников взгляда, она довольно шумно вдыхала запахи, слегка подрагивая при этом ноздрями.

– А если кинется? – прошептал на ухо Дока стоявший чуть сзади Кэп... В ответ на этот тихий шепот верхняя губа собаки приподнялась, явив – в качестве приветствия, надо полагать, – здоровенные и ослепительно белые клыки. Послышалось низкое, глухое рычание, шерсть на загривке стала подниматься... И в этот кульминационный момент заскрипела, распахиваясь, дверь избушки, оттуда вылетел маленький бородатый мужик и истошно заорал:

– Фу, Шарик, фу!... – Пес, услышав команду, сразу же успокоился и, опустив голову, неторопливо подался за угол избушки.

– Шарик... ничего себе Шарик! – истерично хохотнул Текс. – А какие же тогда здесь Джульбарсы или Рэкссы, если это – Шарик?

– Да, понимаешь, – услышав эти слова, сказал подходивший к друзьям мужик, – когда он был щенком, то вон с той горки, бывало, срывался и катился вниз – ну точно как меховой шарик... Так и прилипло: Шарик да Шарик.... Драсть! Куда путь держим, робяты? – приветливо спросил дедок.

– Да нам бы переночевать... мы и не знали, что здесь избушка стоит... но мы и палатку поставим, если вы не против, – тут же начал Док. Однако мужичонка замахал руками, как двухмоторный самолет пропеллером:

– Вот ишшо... шатер оне ставить будут! Изба-то пуста стоит, поместимся, однако. ЗахОдьте, захОдьте! – И повел нас в свою избушку. И мы всей гурьбой подались за ним. Последним зашел Кэп, и перед тем как скрыться в темноте сеней, он приостановился и, оглянувшись, цепко оглядел окрестности. Лицо его было сумрачным, даже настороженным...

Но отдыха поначалу не получилось. Не успели все сбросить на нары рюкзаки, как за дверьми раздалась разноголосица истошного и требовательного собачьего лая.

– Охти мне... посыльные прибежали, – бросил дедок и прытью выскочил из избы. В окошко было видно, как две лайки что-то усиленно втолковывали хозяину, всячески показывая, что надо идти за ними, срочно надо идти. Это было так красноречиво, что мы ничуть не удивились дедовым словам, которые он, вбежав в дом, бросал на ходу:

– Лайки говорят, беда... кто-то из зверей покалечился... зовут... вы тут располагайтесь... вот вам мяско... – Дедусь вывалил на стол несколько скруток вяленого мяса: – Это маралятина... приду к девяти, однако не раньше.... Сварите кашу... крупа, соль в шкафчике. – Сам же он при этом, бегая по избушке, успел вытащить короткоствольный карабин, сунул в карман десяток патронов и, подхватив под мышку какой-то серый мешочек, исчез.

– Шарика не бойсь... он вас... теперь... не тронет... о нет... нет, – донесся уже негромкий дедов голос, и собачий лай стал смещаться в сторону, а потом, как по сигналу, разом оборвался. В избушке и тайге опять наступила тишина.

Вскоре все устроились. Текс развалился в углу на нарах и, пристроив на свой могучий живот гитару, тихонько наигрывал мотивчик немудрящей песенки из нашего далекого и хулиганистого прошлого. Док и Кэп сидели за маленьким столиком у окна и меланхолично жевали вяленую маралятину, отрезая ее крохотными кусочками. Вкусна, зараза!

– Что-то Монти долго не видать, – прервав треньканье на гитаре, сказал Текс.

– Да, наверное, вот-вот будет, – откликнулся Кэп. – Мы уже сколько здесь? Часа полтора, так?

– Да, примерно!.. Никуда не денется наш Монти. Он всегда разгильдяем был. Всегда и везде опаздывал, – перестав жевать, бросил Док. – Все равно мимо ему не пройти. Мы ж здесь договаривались ночевать. Вот темнеть начнет, и заявится... Кстати, о «темнеть». Не пора ли идти кашу варить... как завещал нам гостеприимный дедушка? А то неудобно будет – придет дед, а мы ляды точим да нахально жрем его мясо, а каша-то – тью-тью!

Вскоре друзья всю орудовали у летней печки. Док разжигал дрова, Кэп ушел за водой, а Текс, сидя на бревне, под гитару вполголоса напевал о бригадине, поднимающей паруса. Снизу от реки с полным котелком прибежал Кэп:

– Ребята, а вы видели, какая вода в ручье? Теперь его даже неудобно так называть... прямо речка маленькая... вроде бы осень совсем без дождей... странно!

И мы занялись готовкой... под аккомпанемент Текса. Минут через десять Кэп сказал Доку:

– Глянь, – и показал рукой на тропу, которая привела нас сюда. Там, растянувшись во весь рост, лежал давешний Шарик. Почему-то сразу показалось, что идти туда не стоит, не пустит эта зверюга.

– Да и хрен с ним, пусть валяется... Щас доварим кашку, кстати, она уже почти готова! – попробовав, молвил Док. – И пойдем в избушку. А там пусть Дед со своей псиной сам и разбирается... когда с добычей явится... – Затем он сдвинул котелок с огня и примостил на его место внушительный алюминиевый чайник.

Некоторое время друзья молча смотрели на огонь в раскрытой топке, слушали потрескивание горящих дровишек и тихое брнчннь гитары, а потом Кэп неожиданно спросил:

– Ребята, а помните Франческу?

– Конечно! Помним! Разумеется, помним, – почти хором ответили Док с Тексом.

– А знаете, я ее все-таки нашел, прошлым летом нашел...

– Как??? Где? В Израиле? Расскажи!!!

Кэп, будто не слыша нас, прищурясь, смотрел и смотрел на огонь, но, понукаемый нашими нетерпеливыми воплями, весьма неохотно рассказал:

– В середине 90-х мы на Тихом океане активно контактировали с американцами. Ну, там совместные походы – что-то типа учений! – дружеские визиты кораблей и прочая подобная лабудень. Потом, когда я принял командование крейсером, то довольно близко познакомился с командиром одного ихнего фрегата – Джеймс Кук его звали... И нечего улыбаться! Я вовсе не про того Кука. Этот – потомок русских эмигрантов Кукиных, потому и Кук. В общем, занимаясь одним делом, стали как-то общаться, даже подружились. Три года назад он приезжал ко мне в гости, во Владик. Ну, отдохнули, конечно, как следует, по-человечески! Так вот, тогда, в горах Сихотэ-Алиня, куда я его свозил, во время одного из разговоров, а говорили мы о детстве... его... моем... я и рассказал ему о Франческе – о моей, так сказать, юношеской любви. Он заинтересовался и выпросил про нее все. И обещал разыскать ее. Естественно, я об этом забыл уже на следующий день – мало ли что по пьянке обещалось... А в прошлом году я вышел в отставку и поехал к нему в Калифорнию, так сказать, с ответным визитом. Три недели там был. Тоже отдохнули... по-человечески! Так вот, встречая меня в порту, он и огорошил известием, что разыскал Франческу. И, что самое удивительное, жила она в Ванкувере, а это от Такомы, где жил Джеймс – совсем рядом. Знаете, если честно, я все-таки долго колебался – ехать ли? Но, понукаемый товарищем Кукиным, решился, и мы через недельку отправились туда – это всего 6 часов на рейсовом катере типа нашего «Метеора». Да, – вздохнул, немного помолчав, Кэп, – никогда, ребята, не встречайтесь с теми, кого любили в детстве.

Кэп снова замолк и уставился на огонь. Инженер, отложив гитару, налил чай и протянул кружку Кэпу:

– Ну а дальше!

– А что дальше, что дальше? Да ничего! Я увидел полную, даже толстую женщину с красным лицом гипертоники и большим отвислым носом. Если бы не сказали, что это – Франческа, я б мимо прошел, и даже мысли не появилось, что это она, ей-богу! Мне даже показалось, что она и нас-то плохо помнит и не сразу въехала, кто я такой. Слегка оживилась, когда я ей про Заповедник напомнил, про Город. В общем, вежливо раскланялись и разошлись. Вот и все. Зря ездил, воспоминания только похоронил. Она даже по-русски говорила с заметным акцентом, хоть и свободно. Это почему-то произвело на меня самое сильное впечатление, может, даже более сильное, чем внешние перемены. Вот!

– Да-а-а, – протянул Текс, – что тут скажешь... треть века, даже поболее, минуло с тех пор! Не думал же ты, что Франя с радостным визгом кинется тебе на шею и трепещущим голоском начнет выпрашивать о... прошлом: ах, наш Город, ах Заповедник, ах милые друзья!..

– Нет, конечно... но ее – Ее! – мне увидеть хотелось! Всегда хотелось. Все-таки всю жизнь вспоминал ту, нашу Франческу.

– Эх ты! Волк ты морской... а еще утром Дока лириком назвал! Вот ты и есть лирик-романтик, – ядовито и со вкусом обозвал Кэпа Текс.

– Как все моряки, – ехидно добавил Док.

Настроение у Кэпа явно испортилось, и он окончательно замолк. Замолчали и слушатели... Впрочем, Техник быстренько пристроился к гитаре и забренчал про далекие синие горы, про моря-океаны, только получилось у него на этот раз как-то тоскливо и меланхолично.

Глава 2

Целитель

Вдруг на дальнем конце поляны из высокой травы бесшумно вынырнули давешние хозяйские лайки и прямоком бросились к друзьям. Подбежав, они стали нетерпеливо повизгивать, поскуливать, а одна, коротко гавкнув, ухватила Кэпа за полу штормовки, настойчиво потянув за собой. Кэп сказал:

– С Дедом что-то? Упал и ногу сломал?

– Ага... Шею еще, скажи... С такими таежниками в самых-пресамых дебрях ниче не случится, – поднимаясь, возразил Текс и спросил:

– Ну, так идем? Все идем? Или...

Кэп пару секунд подумал и решительно отрубил:

– Никаких «или». Идем все! Неизвестно, что там случилось. – Затем, затолкав за ремень маленький топорик, произнес командным голосом: – За мной, нестроєвые! Идем след в след, не растягиваемся, и... поглядывайте по сторонам! – и решительно двинулся вслед за собаками. Они обрадованно гавкнули и друженько рванули в лес. Текс забежал в избушку с гитарой и тут же выскочил обратно, сжимая в руке трубку одноразовой ракетницы. Док показал ему большой палец, и оба быстренько двинулись за Кэпом. Когда стволы могучих елей окончательно сомкнулись за их спинами, сразу же потемнело так, что все остановились, вглядываясь в смутно различимые тени стволов. Впереди, между ветвей двух елей, показалась морда собаки. Нетерпеливо гавкнув, лайка снова скрылась. Постепенно глаза адаптировались, и друзья пошли более уверенно. Ноги почти до середины голеней погружались в ощутимо пружинивший мох. Особого бурелома, впрочем, не было, и они, лавируя между стволами и старательно отводя в сторону от лиц ветви елей, двигались довольно быстро. Так прошло минут тридцать. Подъем становился все более пологим, и, наконец, мы вышли на ровное место. К этому времени то ли посветлело немного, то ли глаза привыкли к густому полумраку, и поэтому издалека, в струящемся сверху белесоватом и немного призрачном свете они увидели между тенями огромных стволов зыбкую фигуру человека. Контурь ее колебались, искажались, и поначалу фигура казалась просто огромной, но по мере приближения она становилась все меньше, и вскоре они разглядели Деда. Он двигался с заметной натугой, сгибаясь под тяжестью какой-то массивной ноши.

– Неужто марала Дед прет? – шепотом спросил Текс. Однако Дед каким-то образом услышал это:

– Да какой такой марал? Серый разбойник в беду попал, – сказал он, с облегчением скидывая с плеч один конец импровизированных носилок. И только подойдя вплотную, мы разглядели, что на этих носилках лежал волк – огромный и серо-черный. Было видно, что туловище у него перетянута какой-то тряпичей. Док протянул руку потрогать, но Дед предостерег:

– Не замай... он еще так тяпнуть может – без руки останешься, – и Док руку поспешно отдернул.

– А вас что ж он не тронул?

– Дык че ж он трогать-то меня будет, коли я ему помогаю. Он умный, понимает добро!

– Он что, в капкан попал?

– Да какой там капкан, косолапому он попался, вот и весь капкан. А тот ему и распорол брюхо-то.

И только тут мы увидели, что из-под окровавленной тряпицы – дедовой рубашки! – выступает раздутый и какой-то багрово-кровавый кишечник. Волк хрипло дышал, и лапы его слегка подергивались.

– Да он же умирает, – сказал Док, – если еще не умер!

– Не... не умер. Я ему кровь заговорил, больше не течет. Ежели вы поможете – успеем донести. Собак-то я и отправил за вами для этого. Одному мне было не успеть. Ну, взяли, взяли...

И друзья, подхватив с двух концов носилки с необычной ношей, понесли их к лесной избушке.

Дорога много времени не заняла. Назад шли уже знакомыми местами, да и дедок поспешал впереди, показывая, где лучше пройти и как поудобнее ступить. Несмотря на ношу, дорогу до избушки мы прошли чуть ли не в два раза быстрее. Выйдя на поляну, Кэп с Тексом – они как раз несли носилки – направились было к избушке, но Дед скомандовал:

– Не туды робя, не туды, – и махнул рукой куда-то за домик. Носильщики послушно свернули, а дедушка уже суетился у небольшого строения вроде землянки, наполовину врытой в высящийся за избушкой косогор. Пока поднесли носилки, хозяин успел широко распахнуть низенькую дверцу:

– Заноси, заноси... так... осторожно... ставьте.

И ребята опустили носилки посреди небольшого – метра три на три – сарайчика.

– Ну, все, спасибочки за подмогу! Теперя я не дам волчине помереть. Ступайте на речку, сполоснитесь, а то взопрели, поди?

Кэп с Тексом послушно вышли из сарайчика, а Док взмолился:

– Дедушка, разреши, я останусь, помогу... я же врач!

– Лекарь... это хорошо, однако ступай, паря, ступай... я один... ты не помощник мне здесь.

– Деда, не гони, – взмолился Док, – дай хоть посмотреть, как ты лечить будешь!

Дед испытующе уставился на него, потом махнул рукой:

– А, ладноть, останься. Только, чур, уговор. Садись в уголок и нишкни! В столб соляной превратись, чтоб ни звука, ни движения от тебя, а то спортишь мне все дело. Утерпишь? – пытливо уставился на него Дед, на что Док усердно закивал головой, мол, утерплю! – и устроился на небольшом березовом чурбачке, что стоял, как по заказу, в самом углу.

Дедок же, отвернувшись от Дока, принялся за дело. Для начала он бесцеремонно свалил волка с носилок, от чего тот шумно хакнул горлом, а лапы его довольно увесисто ударились о землю. Потом Дед грубо содрал грязную «повязку» с тела зверя, и часть кишечника вывернулась прямо на дощатый пол сарайчика. После этого он пристроил зверя так, чтоб вся обширная рана была хорошо видна, и, бросившись к маленьким узким полкам, снял с одной из них плоскую банку. Запустив в нее руку, он что-то вытащил в зажатом кулаке. Далее Дед протянул руку над раной, разжал кулак и стал потихоньку дуть на ладонь. Док разглядел, как мельчайший порошок, срываясь с дедовой ладони, невесомым облачком медленно оседал на шерсть, края раны и кишки волка. Так он сделал несколько раз... Потом небрежно запихал все петли волчьего кишечника в живот, встал на колени и стал что-то тихонько и довольно быстро говорить, глядя куда-то в угол. Док, приглядевшись, увидел там грубо вырезанное на коротком стволе дерева лицо какого-то идола. Временами Дед напевал, временами переходил на плавную и напевную речь, в которой Док понимал лишь отдельные слова: «...Сварг... хозяин Алатырь-камня, яви... силу свою и сотвори жизнь... Брату твоему меньшему так, как ты сварганил когда то... Бел-горюч камень... Мать сыра земля! Уйми ты всякую гадину нечистую от приворота и лихого дела!.. Дай силы и вдохни жизнь созданию... живому...». Так продолжалось минут десять, а потом дедок повернулся к телу волка и положил ладони прямо на рану, как бы прикрывая ее. При этом он начал издавал звуки, напоминающие горловое пение народов Севера. Это был монотонный, то низкий, то более высокий и немного хриловатый звук. Казалось, его издает сам воздух, стены комнатенки. Звук вибрировал, заполняя и комнату, и голову Дока, от чего тот потихоньку стал впадать в сонноподобный транс... Потом он разглядел, как

ладони Деда дрогнули и поползли вниз по ране... Вот тут-то Док и очнулся, ибо увидел, что на том месте, где была рана... Ее больше не было! Там был рубец!!! Узрев такое чудо, Док даже дышать перестал. А когда Дед довел ладони до другого конца раны, Док понял, что вся она превратилась в грубый рубец, казавшийся в полумраке почти черным.

Тут Дед что-то громко и гортанно выкрикнул, распрямился, несколько секунд стоял, слегка покачиваясь, а потом рухнул лицом вниз, прямо к подножию идола. Док вскочил и наклонился над стариком... Но тот, повернув голову и сверкнув глазами, коротко и отчетливо бросил:

– Подь отсель! – И Док, будто его толкнула какая-то сила, попятился, нащупывая рукой дверку, и вывалился прямо в высокую траву, что росла у самого порога. Там Док посидел немного, чувствуя внезапно навалившуюся, непонятно откуда взявшуюся усталость, все-таки поднялся и, огибая избенку, побрел к ручью, бормоча неведь откуда всплывшие строки:

*Рычат иступленные трубы,
Рокочут рыдания струн,
Оскалив кровавые зубы,
Хохочет безумный Перун!..*

Глава 3

Мы в другом мире

Выйдя из-за избушки, Док глянул в ее оконце и, не обнаружив там друзей, поплелся к ручью. Путь через поляну показался ему вечностью. Никогда, даже после тяжелой физической работы, он не ощущал себя таким... немощным. Док плелся и плелся, переставляя ноги, как будто он шел на лыжах, почти не отрывая ног от земли. Казалось, что все его суставы развинтились, и ему приходилось мысленно контролировать свои ноги – вот одна... поставил... вот другая... стоит. Док боялся упасть и не подняться. Сил почему-то не было, совсем не было. В голове крутилась вялая мысль:

– Чего ж ты удивляешься, Док? Голова твоя садовая... дедушка-то колдун, вот он и забрал все силы. И свои, и чужие.

Потом Док стал думать про небо. Почему его не видно? Почему кругом такая серость, весь такой долгий вечер, только серость и серость? Так он потихоньку добрал до края обрыва, где внизу в каменной теснине протекал ручей. До воды было метров тридцать. Спускаться пришлось бы по крутой тропке, что петляла между здоровенных камней. Прямо у края Док плюхнулся на землю и, свесив ноги с обрыва, стал разглядывать Кэпа с Тексом. Они сидели рядышком на невысоком валуне, болтая босыми ногами в воде, и о чем-то увлеченно беседовали, причем Текс, по своей всегдашней привычке, весьма активно жестикулировал. Гитара сиротливо лежала на песке...

Посидев несколько минут, Док почувствовал, что сил чуть прибавилось, и стал потихоньку спускаться к ручью.

– А-а-а, Док!.. Нарисовался... проходи, присаживайся, – сказал обернувшийся Текс и отодвинулся, давая ему место.

– Ребята, что я сейчас видел! Расскажу, не поверите, – начал было Док, однако Кэп его перебил:

– Ладно, расскажешь потом, а сейчас – поговорим! Серьезно поговорим. Трепаться кончаем, надо многое обсудить, коль все на месте... Время настало.

Док с Тексом уставились на него:

– О чем? Что ты надумал?

Кэп помолчал, бросая в воду мелкие камешки, и, наконец, спросил:

– Ребята, как вы думаете, где мы с вами находимся, а? Вот сейчас, в настоящую минуту?

– Как где? Ты что, сам не видишь? Ослеп?

– Нет, не ослеп, но... не вижу – бесстрастно отозвался Кэп.

– Ладно, – раздраженно бросил Текс, – давай выкладывай, что там у тебя? Какие такие высокомудрые мысли посетили твою светлую голову?

– Да, уж, посетили... и довольно неприятные... Вот что я вам, пацаны, скажу. Мы находимся где угодно, только не на нашей поляне. И я не знаю, где мы очутились!

Док внимательно посмотрел на Кэпа:

– Обоснуй!

– Да легко! Помните, как в прошлые годы мы возле этого ручья загорали на камне и называли его Загоральным? Помните? Ну, и где он? Покажите мне его!

Мы стали оглядывать берег ручья. Действительно: того большого, плоского камня, на котором свободно укладывалось загорать пять тел, нигде не было. Странно!

– Вы ж понимаете, что его унести не могли ни вода, ни люди просто в силу его огромности. Согласны?

– Да... как же сразу-то не обратили внимания... верно. Раньше он вон там лежал, – и Техник махнул рукой вниз по течению.

– Правильно! А теперь айда наверх. Там вы увидите другую загадку... растительную на сей раз. – И все послушно направились за Кэпом вверх по тропе.

– Гляньте на тот камень, – и Кэп указал на большущий сиенитовый валун, из-за которого тропа и выходила на поляну. Он был таким огромным, что называть его камнем как-то и язык-то не поворачивался – настоящая монолитная скала метров восьми в высоту.

– Ну а теперь вспомните, как мы на нее забирались?

Да... действительно! На плоскую вершину валуна, сторожевую башню, как мы его тогда звали, поднимались только по стволу растущей вплотную к нему сосны. Сосна была здоровенная, метра полтора в диаметре. И другого пути на вершину не было.

– Ну, и где эта сосна? Спилили и пень выкорчевали? Сами понимаете, что это – ерунда! Никто здесь этим заниматься не стал бы... Тем более выкорчевать пень от *такой* сосны, наверное, можно только бульдозером.

– Или взорвать! – тихонько бросил Текс.

– Или взорвать, – согласился Кэп, – но, поверьте, я там все внимательнейшим образом изучил. Нет там ни пня, нет там и воронки от взрыва... даже давнего. Так где же сосна? Уже эти два факта дают, мягко говоря, нехилую пищу для размышлений. Но вот вам еще факты. Во сколько мы пришли на поляну? – спросил Кэп – и сам же ответил: – Почти в 17 часов. Так? Сколько мы были в избушке, потом кашу варили?

– Смело пару часов, – чуть подумав, ответил Текс.

– Значит это уже 19 часов. Потом час – если скромно! – затратили на поход за этим... за волком, и уже два часа мы сидим на берегу. То есть сейчас 22 часа, ну или около того. Так? А в 22 часа в сентябре в наших местах уже темень сплошная, уже ночь, а сейчас разве ночь?

Док с Тексом ошалело завертели головами – вот леший нас задери... и как мы раньше-то не обратили внимания на это! Вокруг был непривычный и довольно необычный полумрак, который ну никак нельзя было назвать осенней темной ночью!

– И еще! Во время хождения по морям-океанам мы однажды на своем корабле попали в «глаз» циклона. Знаете, что это такое? – оба слушателя дружно покивали головами, и Кэп продолжил:

– Много разных баек про этот «глаз» циклона рассказывали моряки. И что там время идет по-другому, и что, случалось, люди исчезали, и еще немало всякой небывальщины. Ну вот, значит, пришлось мне самому в нем побывать. – Кэп немного помолчал, видимо, переживая и вспоминая, а потом стал травить дальше:

– Попали мы тогда в жесточайший шторм, и как штурман с тогдашним капитаном ни упрямылись, но оказался наш корабль в зоне мертвого шторма. Случается такое иногда, хоть и не часто. Представляете, видно простым глазом, как на расстоянии десятка миль беснуется шторм, волны гуляют, ливень, а вокруг нас – так, легкая рябь на воде. И в этот момент у меня появилось ощущение немотивированной тревоги, какого-то страха. Возникло чувство, что я на палубе и одновременно в своем порту иду по пирсу. Представляете: глазами вижу одно, а слышу – тархтенье портовых лебедок, запах мазута, грохот якорной цепи в клюзе. И это раздвоение было настолько отчетливым, что я – Я! – грохнулся на палубу! – Кэп помолчал и продолжил: – Потом, когда кончилась эта передряга, мы поговорили о произошедшем в кают-компании. Так вот все – понимаете, все! офицеры ощутили это состояние раздвоения сознания и страх. Все испытали Необычное. А когда мы шли сюда и свернули на тропу к поляне, помните, как все вокруг внезапно потемнело? Помните! Ну и что вы в тот момент почувствовали? Ты, Док?

– Да... появилась какая-то тревога, тоска... даже, пожалуй, страх!

– Аналогично, – кивнул головой техник, – только мне, кроме страха, вдруг сильно захотелось идти на полянку. Остро захотелось повернуть назад, в Город.

– Вот! – удовлетворенно произнес Кэп. – А у меня возникло чувство точь-в-точь как тогда, в «глазе» циклона: я был одновременно и на тропке, и вместе с тем в рубке своего крейсера. Это было очень кратковременно, секунды, может быть, но очень отчетливо... Ну и стало страшно. Почему – не знаю! Все как тогда.

– Значит, на всех так подействовал этот мрак-туман? – задал вопрос Док.

– Ребята, вы разве еще не поняли, что это не мрак-туман, как ты говоришь, подействовал, это другое, совсем другое! Мы в тот момент шагнули в какой-то другой мир, в котором все почти так, как в нашем... но различия-то есть! Начиная с этой лесной избушки, которой отродясь не было на нашей поляне. На поляне нашего мира, я имею в виду... Вот такие мои совсем не светлые мысли, ребята!

– Правда... и Дед с карабином! Я только сейчас врубился! Здесь же заповедник, и никаких ружей ни у кого быть не может... и охотничьих собак – тоже, – растерянно пробормотал Текс, опускаясь на траву.

– Ну, пацаны, а вот вам напоследок еще одна загадка, – и Кэп протянул нам довольно увесистую большую, белую монету, – это я в шкафчике у деда позаимствовал. Там таких много лежит. Серебряная!

Док взял и стал ее разглядывать. На аверсе было чеканное изображение головы мужчины в профиль. Холеное, породистое. Абсолютно незнакомое, ни с кем не ассоциирующееся. Внизу – цифра 10 и слово «червонцев».

Над ухом у Дока уже сопел Текс.

– Ты на обороте, на обороте глянь, – прошептал он.

Да, на реверсе монеты красовался набивший оскомину двуглавый орел, а вот надпись – «Российска парламентир дэржава» – озадачивала не меньше, чем незнакомая морда на аверсе монеты. Значился там и год –1967.

– Мы – в – другом – мире! – четко, отдельно и безапелляционно заявил Кэп, и мы ошалело уставились друг на друга....

Глава 4

Пленники Серого тумана

Док отошел в сторону и устало отпустился на поваленный ствол дерева... Вскоре уже все трое, пригорюнившись, сидели рядышком и молчали...

– Послушайте, пацаны, – сказал Текс после недолгого молчания, – а что мы распереживались-то? Ну, сосны нет, ну, камня нет, подумаешь! Вы что, начитались сказок про Эмбер, или книжки... этого, как его... ну, где наш военный попал в парамир и стал королем... не помню автора, черт... склероз!

– Бушкова ты имеешь в виду, – вставил Док, – и его Сварога?

– Во, во... его самого, – обрадовался Текс, – там в книжках все просто: раз – и в другом мире, два – и в третьем... Неужто вы верите в подобную ерунду, а? Где книжки и где мы? Ерунда все это! Что стоит нам прямо сейчас подняться и дойти до города. Полчаса до большой тропы, часок до места, откуда город виден с гор... И все сразу разъяснится? А?

– Это хорошо, если разъяснится, а если... – начал было Кэп, но Текс вскочил и, перебивая его, азартно предложил:

– Все, айда побыстрее, пацаны, побежали, чего тянуть-то?

– Нет, пошли в избушку, вещи забрать надо...

– ...и с Дедом бы поговорить не мешало, – впервые открыл рот Док. – Старикан наверняка должен знать, где он живет. Особенно после того, что я видел...

– И в самом деле, Расскажи, – попросил Кэп, – а то действительно заспешили, заторопились...

И Док коротенько поведал историю чудесного излечения волка.

– Да... – протянул удивленно Текс, – впечатляет!

– Ничего удивительного. Я такое видел на Камчатке! Там подобные фокусы показывали карякские шаманы!.. Ладно... пошли в избушку! – подумав пару секунд, опять скомандовал Кэп. И друзья, как было и в прошлый раз, подались через поляну к избушке. Только в этот раз Шарик их не пугал. Его вообще нигде не было видно. Подошли к дверям, зашли. Дед уже был в избе и сидел за пустым грубо сколоченным столиком. Глянул на нас из-под кустистых бровей, улыбнулся:

– От хорошо, что явились, вечерять будем. Каша-то ишшо не остыла!

Однако все трое неподвижно стояли у двери и молча смотрели на него.

– Чо стоите-то, как засватанные? – Дед еще раз внимательно оглядел нас. Его улыбка незаметно угасла, глаза остро и колюче блеснули:

– Догадались? – И от этих слов, от тона, каким это было сказано, у всех холодок по спине прошел! Друзья поняли, что все их догадки – не выдумка. Они поняли, что худшее, несмотря на всю невероятность подобного, произошло! И именно с ними!

– Давай, дедушка, выкладывай! – решительно шагнул к столику Кэп. – Куда и во что нас угораздило вляпаться! Все рассказывай!

– Ну, коль так... садись, робятки, – и жестом показал на нары, – разговор у нас долгим окажется...

– А ты, дедушка, здесь кем будешь? – простодушно спросил Текс. – Не лешим ли местным случайно?

– Цыц, несмышленный! Язык-то прикуси! – нахмурился Дед. – Негоже к ночи тако говорить! Цыц!

– Так где она, ночь-то? – подозрительно спокойно спросил Кэп. – Серость кругом одна.

– Когда надо, тогда ночь и будет, – буркнул недовольно Дед. – Значится, так... Когда вы, робята, пришли в наш лес втроем, я шибко удивился. Приходили и раньше... но по одному. Я даже поначалу подумал, что вы наши, из Трущоб – они-то всегда ходят по трое и даже поболее, а потом понял – нет, эти из Замирья припожаловали.

Мы переглянулись.

– А что такое Трущобы, дедушка? – не утерпел Текс. Дед недовольно пожевал губами и сказал:

– Так это город разрушенный, что на реке стоит. Потому и понял, что вы из Замирья. Уж больно чистенькие, да и речь другая... Ладноть, не сбивайте меня, говорить-то я не мастак, вот и получилось у меня все с конца... Начну, однако, с начала: давно, лет с полсотни уже минуло, возле города на реке бомбу взорвали. Шибко сильная бомба была.

– Атомная? – опять бесстрастно спросил Кэп. – То есть у вас случилась атомная война? А из-за чего? Кто начал?

– Во, во, так она и звалась – атомна! А кто и почему начал, я не знаю, а было это... кажись, в 1962 году. Этих бомб много взорвали в других местах. Поубивали людей – у-у-у – мильены! Вот тогда стало холодно и совсем плохо. Лет пять неба было не видать. Ишло много людей поумирало. Совсем пусто стало. Потом небо помаленьку начало открываться...

– Это как сейчас? Все такое же серое было? – опять не удержался от вопроса Текс.

– Не, такое серое становится иногда... может, раз-два, редко три в году. Как становится все серым, значит, жди гостей из Замирья... Чаше такие, как вы, приходят...

– А как нам назад вернуться, дедушка?.. К себе, в это, как его... Замирье? – нетерпеливо перебил Деда все тот же неугомонный Текс.

– А никак. Когда туман этот рассеется, вы и очутитесь в своем мире. Вы, пришедшие здесь – исчезнете, а я и такие, как я, – остаемся. А ногами вы никуда не дойдете. Здесь везде наш мир.

– Вот прямо так и очутимся?

– Ага! Вы увидите, как домик и все, что не из вашего мира, начнет бледнеть, и все станет, как было у вас. И если сей секунд туман начнет исчезать, то я увижу, как вы тоже бледнеете и исчезаете. Скоко я такого уже видел... Не счесть. Первые разы пугало это, а сейчас привык.

– А вдруг туман исчезнет, а мы останемся?

– Дык и такое бывало... раз десять. Серость отступала, а человек оставался.

– И что потом с ними бывало?

– А кто со мной жил, кто уходил на реку, кто в Трущобы. Всяко бывало!

– Хорошенькие дела! Значит, сидеть у моря и ждать погоды? – пригорюнился Текс.

– Ну, если хош, иди на Реку... Только все едино: как только Серость отступит, вы и вернетесь в свой мир – в Замирье, по-нашему. Это хоть здесь, хоть в Трущобах... Ежели только доживете до ухода Серости. Там, в Трущобах, не любят таких, сытеньких.

– Так а для нас ваш мир, дедушка, и есть Замирье!

– Тако же! Мы и живем в одном мире, но за стенкой. Между ними открывается иногда дверка, и людины попадают в наш мир.

– А из вашего мира кто-то в другие миры проникает? – снова спросил Текс.

– Не... наш мир проклятый, наказанный за жадность да гордыню наших властителей. Нас Господь за это наказал. Другие приходят и глядят на наши безобразия... Это здесь, в лесу, хорошо. Лес не пускает плохого человека. К нам даже когда злыдни из Трущоб приходят, и то ведут себя тихохонько, по-доброму. Иначе Хозяин Лесной накажет. А вот в Трущобах... Там страшно. Там люди есть с тремя руками или одной большущей ногой. Уродцы, прости меня, Господи. Да много... разных. Вот этим и наказан наш мир...

Все надолго замолчали. Потом Дед поднялся, расставил на столе тарелки, достал котелок с кашей.

– Ладноть, давайте вечерять. Рассказками сыт не будешь, – и стал резать вяленое мясо.

– Да какое там «вечерять», – с тоской проговорил Док. – После всего, что ты нам пона-
рассказал, и кусок в горло не полезет... не буду!

Но глядя, как Дед со вкусом уплетает кашу, присоединились к нему и друзья – голод-
то давал о себе знать.

Поужинав, пошли на поляну, к летней печке. Вокруг все по-прежнему было серым и
туманным.

– Деда, а как долго этот туман держится?

– А когда как. Бывалоче, по целой седмице висит. А как-то ден двадцать простоял.

– Проклятье!.. Ну не можем же мы просто сидеть и ждать у моря погоды... – повторился
Текс. – Надо что-то делать... что-то предпринять!

– Робятки, да ниче вы не сделаете. Или идите хоть на четыре стороны света, никто ж вас
не держит. Однако ж здесь – спокойно и тихо. Здесь вас никто не обидит, никто не тронет....
Ти-ха-а-а! – вдруг рявкнул Дед, к чему-то прислушиваясь – Слухай, слухай?

– Что, Деда?

– Во, во, вроде шуршание тако сверху идет, – и Дед удовлетворенно улыбнулся. – Сей-
час, робятки, домой пойдете. Это туман-наваждение уходит. Че-то быстро седня... и полсуток
не продержался. Ну, робятки, вспоминайте там, дома, про наш мир заблудший и человеком
испоганенный. Удачи всем вам... не поминайте лихом...

Мы смотрели во все глаза, ошалело вертя головами. И правда, слышалось легкое шур-
шание, будто снежная пороша по сухому асфальту сыпет, потом к шуршанию присоединилось
уже хорошо различимое потрескивание, словно где-то вдали электропровода искрились:

– Ребята, – заорал Текс, глядя на небо, – звезды, звезды, появляются! Ур-а-а-а!

Мы вскочили на ноги в радостном волнении... все... домой... все... И вдруг Док краем
глаза увидел замершее, ставшее каким-то незнакомым лицо Кэпа. Поглядел в сторону – нас
окутывала обычная и такая привычная таежная ночь, яркие звезды висели над головами...
Посмотрев в другую сторону, Док увидел окаменевшее лицо Деда и его лесную избушку, так
никуда и не исчезнувшую...

Глава 5

Первая схватка

Док сидел на свежеструганой скамейке, прислонясь к теплой стенке избушки. Солнце стояло уже довольно высоко и ощутимо пригревало, а тонкий слой инея исчезал прямо на глазах. Невдалеке, под значительно расширенным навесом, Кэп с остервенением махал здоровенным колуном. Березовые чурки под натиском тяжелого металла и кэповских мышц с грохотом разваливались пополам, а потом, уже поленьями, разлетались в обе стороны, все увеличивая кучи колотых дров. Рубашка на спине Кэпа была мокрой. Вдали, у летней печки, под таким же новым навесом Текс священнодействовал у плиты. На ней что-то парилось и булькало в двух котелках. Обе лайки усердно ему помогали: умильно ловили взгляды сурового повара и следили за каждым его жестом. Их завернутые кольцами хвосты непрерывно молотили воздух, как бы говоря: эй, человек, мы вот они, живые, и любим тебя, так ты уж, будь добр... хоть кусочек... ну, не жадничай! Шарик лежал немного поодаль и делал вид, что все манипуляции у плиты его не интересуют совершенно. Изредка он с презрением смотрел в сторону двух подхалимок, у которых хвосты – от непрерывного вилянья – казалось вот-вот оторвутся. За избушкой было слышно, как Дед строгал рубанком доску, напевая при этом себе под нос какую-то монотонную песню с малопонятными словами. Короче, почти семейная лесная идиллия – близкие друзья в беззаботном отпуске. Док откинулся на стенку, пристроив поудобнее уложенную в деревянный лубок руку, и, слегка подремывая, вспоминал – уже в сотый, наверное, раз – события десятидневной давности.

В конце августа, когда Серый Туман, уйдя, оставил их в другом мире, до всех троих – в отличие от Деда! – весь трагизм ситуации поначалу так и не дошел. Уж слишком было фантастично происходящее! Они, конечно, расстроились, попсиховали немного. Но у каждого в глубине души теплилась мысль, что все это игра, все понарошку, и уж, во всяком случае, не насовсем. До них просто не доходила реальность, основанная только на логических рассуждениях. Да, они видели отличие этого мира от их родного и привычного, но они – не верили! У них еще не было своей веры, отмеченной личными переживаниями и эмоциями. Ибо только вера, вытекающая из собственного и порой мучительного опыта, становится истиной. И истина – всегда персональна! Такой она стала для них позже, после похода в Город у реки – Трущобы, как называл его Дед. Она и стала для них персональной и очень жестокой истиной. Истиной, одной на троих.

Проговорив после ухода Серого Тумана почти до утра, они хотели сразу же пойти к реке, посмотреть, а что же там за Город. Однако Дед уговорил их как следует отдохнуть и лишь потом, набравшись сил – идти. Спали они долго. Весь день, и почти всю следующую ночь. Дед – как потом признался – для этого кое-каких травок им в чай намешал. Проснулись они тогда рано, только светать начинало. Ребята были собраны и серьезны. Ни шуток, ни прибауток! Собрали все вещи, в надежде, что сюда они больше не вернуться, хотя дедушка их и отговаривал. Он-то знал, что идти им некуда.

– Ну а ежели лихие люди встретятся, отпор дать сможете?

Кэп в ответ молча с места сделал заднее сальто и нанес сильнейший удар стопой ноги по прислоненной к стенке дома доске. И толстая, прочная доска лопнула, словно гнилая.

– Однако, пойдет, – уважительно произнес Дед.

– А Текс когда-то был боксером. Кандидат в мастера, – похвастался за друга Док...

– Когда это было, – уныло протянул тот, – и к тому же пузо, – похлопал Текс по действительно объемному образованию, – хотя на пару-тройку приличных ударов меня еще хватит!

– Ну а с оружием-то обращаться умеете? – задал новый вопрос дед.

– Умеем. Все срочную отслужили, а Кэп – он вообще всю жизнь в армии провел.

– Не в армии, а на флоте, – чуть сварливо перебил Дока Кэп. Тогда Дед нырнул в избу и минут через десять вернулся, держа в руках небольшой сверток. Подойдя, он развернул промасленную материю и вытащил... обычный пистолет «ТТ». Кэп взял его, привычно выщелкнул обойму, оглядел со всех сторон...

– Пойдет... хорошая машинка, – и спрятал его за отворот куртки.

– Значит, так, робятки, слухай сюда. Поднимаетесь по тропке и дальше по хребту идете к Городу. Тропа, правда, не шибко торная, заросла уже, но не собьетесь.

– Да ты что, Дед! – возмутился Текс – Там тропа – хоть боком катись... метра три шириной!

– Это, милоч, в твоём Замирье она такая, а здесь уже вся заросла, редко по ней сейчас ходят, редко. В общем, по тропе идите спокойно... там безопасно. Зверь не тронет, а лихим людям там ходу нет. Когда с последнего перевала увидите Город, оглядитесь, покумекайте, что да как, и на этом все! Дальше, робята, ни шагу! Не вздумайте соваться в Трущобы, а то схарчат вас, и следов не останется. Жестокие там и подлые людишки живут... кулак зубодробительный и быстрая дубина правит у них. Кто сильнее, тот и прав. И огня, огня не вздумайте запалить. Вертайтесь по свету, тогда и погрееетесь у огонька. И ишшо! Пистоль держи наготове. Чуть что – пали без сомнений. Усек? Ну, с Богом, робятки, с Богом...

И, повернувшись, пошел в избушку, а мы еще немного постояли и пошли через поляну в обратный путь, в Город...

На хребет поднялись быстро. Там вместо привычной и широченной тропы и в самом деле была заросшая и узенькая тропка. Совсем не та, что привела нас сюда... в Замирье. Тогда мы впервые что-то стали осознавать. Док, криво улыбнувшись, даже сказал:

– А зачем нам дальше идти? И так все ясно... В Замирье мы!

– Нет, – отрубил Кэп. – Топаем до Города и смотрим, что там и как. А вдруг там вовсе не Трущобы, а другой, пусть и не наш, но живой Город. Я – иду первым, Текс – посередке, а Док – в арьергарде... и назад почаще поглядывай, ясно?

– Есть, товарищ капитан первого ранга!

– Все, отставить зубоскальство... шагом марш... пяхота! – И мы двинулись навстречу Неизвестному. Шли молча, практически не разговаривая. За все два часа пути ничего с нами не приключилось. Лес был живой, слышались птичьи голоса, в ветвях привычно шумел ветерок. Лес как лес, и у нас даже немного настроение приподнялось. Два часа пути пролетели незаметно, и вскоре мы подошли к подъему на перевал, откуда нам откроется Город... или то, что от него осталось. Вот сейчас поднимемся и... увидим свое будущее. Сердце у каждого колотилось, как бешеное. От нервного напряжения даже зубы постукивали. Молча постояли несколько минут, глянули друг другу в глаза и одним рывком поднялись вверх.

В том месте, куда мы поднялись, была широкая поляна, с которой открывался – как было и в нашем мире – прекрасный вид на Город... Вот только Города там не было! Везде одни развалины. Из воды торчали опоры бывшего железнодорожного моста. Пролет у левого берега сохранился. Его ажурная полукруглая арка – вот и все, что осталось от бывшего величия и красоты старого, еще царской постройки моста. Домов же в городе не наблюдалось. Кое-где торчали высокие стены разрушенных зданий с зияющими дырами на месте бывших окон. Контуры почти всех строений осыпались, были смазаны и имели вид холмов неправильной формы с кое-где торчащими балками. И везде, сколько хватало взгляда, росли деревья. Какая-то зелень висела на разрушенных домах, свешивалась потоками со стен и стекала из слепых проемов окон. Сколько мы ни вглядывались, никакого присутствия человека так и не увидели. Ни дымка, ни огонька, ни движения. Все было мертвым. Воистину Трущобы!

Друзья отошли к высящемуся в сторонке камню, присели, не отрывая взглядов от того, что когда-то было их Городом. Как ни странно, у всех появилось чувство какого-то облегчения.

Неизвестность кончилась! Чувства подтвердили то, что уже давно понял разум. Надо было принимать новые реалии.

– Ну, что будем делать дальше, пацаны, как жить будем? – начал было Док...

Но в этот момент со всех сторон раздались дикие вопли, и с вершины камня прямо перед нами спрыгнули трое крепких мужиков. Не тратя время на разговоры, они дружно кинулись на нас. Док вскочил и тут же услышал сухие хлопки выстрелов: ках... ках... ках... Двое нападавших упали как подкошенные, а третий, грохнувшись на землю, стал страшно кричать, держась обеими руками за живот... Сбоку на Дока бросился еще один коренастый и широкий в плечах громила. В руке у него был зажат длинный нож. «Ну, вот и все, не видать мне Замирья», – еще успел подумать Док, как вдруг увидел, что этот, с ножом, почему-то резко замедлил движения. Как-то вяло и неторопливо приближался, медленно поднимая нож, нацеливаясь нанести удар сверху. Док тоже не спеша отступил немного в сторону, поставил блок левой рукой и правой с силой нанес кулаком прямой удар в лицо нападавшего. Под кулаком Дока что-то мокро хрустнуло, и коренастый упал, проехавшись метра два спиной по траве, и неподвижно замер. Оглянувшись, Док увидел, как Кэп с разворота бьет ногой в морду еще одному массивному мужику, а Текс с кем-то сцепился на земле. Док подошел к ним и, как показалось ему, не сильно пнул сидящего сверху мужика. Того от удара приподняло в воздух и бросило вбок, прямо на скалу. Там он – как в замедленной киносъемке! – ударился головой о камень и, окрашивая его в красное, сполз на землю... В этот момент сверху, мимо головы Дока медленно проплыл камень и с силой ударил его по левой руке. Страшная боль пронзила тело Дока и погасила сознание... Вот собственно и все печальные итоги того страшного дня. Дня, который поставил крест на их прежней жизни и бросил друзей в новую и чужую реальность, в которой им и предстояло теперь жить.

Как добрались назад, Док запомнил плохо. Пока Кэп прибинтовывал подходящую деревяшку к сломанной руке Дока, тот еще два раза терял сознание от жуткой, нестерпимой боли. Дед, очень встревоженный, встретил их с Шариком еще вверху, и все вместе они спустились на поляну. Там он без лишних расспросов занялся раненым. Сначала он в том же сарайчике попытался срастить перелом, действуя тем же способом, что и раньше, однако, к его огромному удивлению, ничего не получилось. Тогда он просто наложил уже готовые и, видимо, неоднократно используемые лубки и сказал, что само заживет. И лишь попозже, за столом, Дед подробно расспросил Кэпа о том, что произошло.

– Значит, поубивали и покалечили?

– Да, Кэп троих застрелил, – ответил Техник, – и если бы не это, фиг бы мы здесь теперь сидели. Но Доктор-то, Доктор! Вот кто оказался героем! Как он мгновенно сшиб этого здоровяка с ножом! Любо-дорого смотреть было.... А я понимаю толк в этом! Где так бить научился? – с интересом спросил Текс.

– Да нигде не учился – ответил Док, поглаживая сломанную руку. – Бандюга почему-то очень медленно двигался...

– Нет, Док, это ты метался, как молния, – возразил Кэп. – Уж поверь мне. Толк в движениях я как раз понимаю. Не зря же столько лет учился разному хитрому мордобое у взыправдавшего японца во Владике.

– А того бугая, что меня свалил и принялся душить, а? Видел бы ты его рожу... Я уж подумал – мне кранты. Здоров бугай... был. А ты, Док, ему так наладил, что у него голова, как гнилой арбуз, лопнула, и мозги по траве живописно размазались.

– Да кончайте вы. Я сам ничего не понимаю... Ну, перестали они двигаться, я и бил...

– Да вы, робя, не сумлевайтесь и не переживайте. Вы все правильно сделали. Здесь другое непонятно: почему на вас напали? В лесу никто и никогда не нападает. В лесу разговаривают! Здесь – нельзя! Возле самых Трущоб, бывало, рыщут такие шакалы, это да! Но чтоб так далеко

в лес заходить и такое учинять?.. Нет, такого никогда не было! Неспроста это все, робятки, ох, неспроста...

– Они нас ждали, – бросил Кэп. – Это была классическая засада. Похоже, они там и ночевали. Я видел свежее костровище...

– Вот так, значит, – задумчиво протянул Дед. – Откуда они могли знать, что вы пойдете?

– А может, они просто ждали... ну, хоть кого-нибудь... чтоб ограбить?

– Ну, не бывало такого никогда! Не бывало! – с досадой и по слогам бросил Дед.

– Вот и остается одно – они ждали именно нас, – хмуро заявил Кэп.

– Но зачем? Кто?! – недоуменно воскликнул Текс. – Это ж абсурд, кому мы здесь нужны и кто нас знает?..

– Зачем? Не знаю, зачем, – все так же хмуро произнес Кэп, – но это, как мне кажется, и есть самое главное. Если мы найдем ответ на этот вопрос, мы поймем, почему и как мы здесь оказались!

Друзья еще долго в тот вечер разговаривали, обсуждая всевозможные варианты случившегося и наших дальнейших действий, но так ни к какому выводу и не пришли. Вскоре Док ушел в избушку и – спасибо дедовым травкам! – крепко уснул. А уже на следующее утро за нами пришли.

Глава 6

Визит. Вторая схватка

В избушке было еще совсем темно, хотя оконце уже и начало сереть еще несмелым утренним светом. Дед тихонько поднялся и, натянув одежку, выскользнул за дверь. Кэп, приподняв голову, прислушался к звукам, что донеслись с улицы – хлопанье крыльев какой-то птицы, короткое, тихое поскуливание собаки и довольно громкий беличий цокот. Вскоре все смолкло. Через пару минут чуть слышно скрипнула дверь, и Дед вернулся в избу. Пошурудил короткой кочергой в печке, подбросил полешко и присел к столу. Встретившись взглядом с Кэпом, махнул ему рукой – мол, спи спокойно. Кэп, однако, вылез из-под одеяла и, подсев к Деду, вопросительно глянул на него. Дед покряхтел, почесал под рубашкой живот и, позевывая, сказал:

– Да, понимаешь, паря, гости к нам, однако, идут непрощенные. Вот... отправил согляда-таев... подождем... скоро все узнаем – кто там и сколько их...

– А... откуда тебе ведомо, дедушка, что кто-то идет? Спал же?

– Откуда, откуда, – проворчал Дед. – Оттуда! Ты все равно не поверишь...

После этого он окончательно замолк и только сердито сопел. Потихоньку проснулись и Док с Тексом. Вдруг Дед насторожился и выбежал на улицу. Все стали быстро одеваться. Вскоре Дед вернулся.

– Так, – оглядев нас, бросил он, – собрались? Молодцы! – потом присел на табуретку у двери и махнул нам рукой – мол, садитесь:

– Такие, значит, дела. Идут к нам из Трущоб гости незваные. Прошли примерно половину пути по верхней тропе... идут быстро... С дюжину их или чуть меньше.

– А почему именно к нам? – переспросил Текс. – Может, они дальше идут, на Скалы?

– Нет, к нам! Дальше и тропы-то нет, разве вчера не видели того?..

Дед пожевал недовольно губами и продолжил:

– Зачем идут, не ведаю! Сюда, ко мне, приходят по два-три человека. Никогда столько трущобных зараз не навевывалось. Думаю, что это продолжение вчерашнего... и для чего им это, мне неизвестно, – задумчиво произнес Дед.

– Но, если это продолжение вчерашнего, значит, добра не жди, – протянул Текс. – Уходим в тайгу! Со всеми-то нам не справиться... Если у дедушки нет в запасе для них никаких сюрпризов, то нам хреново придется, останемся мы здесь!

– Значится, так, – ответил Дед, – никто никуда не идет. Встречаем их на поляне и узнаем, что им надобно...

– Ага, просто узнаем, – скептически протянул Текс. – А они нам скажут и сразу уйдут назад... мило улыбнувшись и шаркнув ножкой! Для того и шли... как вчера. Только там рукой Дока отделались, а сейчас – придется головами!

– Да, скажут и уйдут назад, – начал было Дед, однако Текс перебил его:

– Да они ж наверняка хорошо вооружены... а мы с одним-то пистолетом да карабином, как голые, – конечно, если у дедушки пулемет не припрятан, – и Текс вопросительно глянул на Деда.

– Не припрятан, – проворчал Дед.

– Значит, валим, пока не поздно, – буркнул Текс, но Кэп его одернул:

– Погоди тарыхтеть, дай дедушке договорить!

– ...это продолжение вчерашнего, – повторил Дед. – Они придут на поляну и скажут, что им надобно. И все. Стрелять они не будут, поскольку знают, что тогда никто из них живой из тайги не выйдет. Но риск есть! Очень все это необычно. Я мню, что они потребуют выдать вас... Могут попытаться силой вас увести, но уж здесь я им не дам этого сделать... Да, и, что

самое интересное, засада у последнего камня – ну, где вас вчера застигли! – была выставлена еще до того, как вы здесь объявились, еще до появления Серого Тумана. Вот так! Есть о чем подумать. – Дед помолчал, а потом сказал Кэпу:

– Ты пистоль держи наготове, но не размахивай им, а так... потаенно держи... и пали в самом крайнем случае. Только в ответ, – задумчиво повторил Дед. Потом он мельком, исподлобья, глянул на Дока и вышел, прихватив с собой карабин. Остальные молча потянулись следом....

Снаружи было уже совсем светло. Кэп с Тексом пошли за Дедом, куда-то за избу, а Док остался на крылечке. День обещал быть ясным. В воздухе отчетливо чувствовалась осенняя прохлада. Посередине горы, что высилась за рекой, висел клочок густого тумана, но верхушка ее уже окрасилась первыми лучами солнца. Док хотел шагнуть следом за всеми, но вдруг его настигло ощущение чужого взгляда. Кто-то огромный и могучий глянул на него сверху. Пристально, с каким-то холодным и, как показалось, слегка брезгливым любопытством. Док почувствовал, что он не в силах сделать ни одного движения... Сильно закружилась голова, и он пошатнулся...

– Что с тобой? – донесся до него голос Кэпа. – Тебе помочь?

– Нет, нет... кажется, все прошло... что-то с головой. – И действительно, Док снова стал ощущать свое тело, ощущение чужого взгляда исчезло, и он, чувствуя предательскую слабость в ногах, шагнул с крыльца и сел на ступеньку.

Тут же из-за дальней опушки, со стороны тропы, раздалось шумное хлопанье крыльев. Это стайка рыжевато-серых соек, спланировав почти к самой земле, пронеслась мимо избушки и, рассевшись на нижних ветках сосен, взялись наперебой кричать: кээй, кээй. Затем они, как по команде, сорвались с веток и, сделав крутой вираж, скрылись в долине ручья. Из-за угла избушки появился Дед:

– Так, робятки, начинается! Трущобные злыдни скоро явятся. Они уже с хребта спускаются.

Мы стали вглядываться в стену леса, что ограничивала поляну, там, где тропа у нашей Сторожевой башни на поляну и выходила. Так прошло несколько напряженных минут, когда профессионально дальноточный Кэп спокойно сказал:

– Появились... Вон чья-то рожа за деревом... вон, внизу у самого камня!

– Сейчас эта рожа из снайперской винтовки кэ-э-к пальнет... и ага! – мгновенно прокомментировал Текс.

– Ну, с такого расстояния нас и из обычного винтаря несложно перещелкать, будто куропаток, – спокойно произнес Кэп. – Здесь ведь не больше кабельтова² по прямой.

– Цыц!.. Тихо все! – шикнул Дед.

Через пару минут на поляну выскочил какой-то мужичок и огляделся. Затем, обернувшись, он что-то прокричал и махнул неестественно длинной рукой. Из-за камня на поляну цепочкой потянулись люди. Увидев выходящих, Дед замер с окаменевшим лицом. Потом, посмотрев на друзей, он как-то вяло махнул рукой и пошел навстречу «злыдням».

И вот они стоят лицом к лицу. С одной стороны – трое друзей с дедушкой, а с другой... С другой – существа, которых и людьми-то назвать трудно. Только трое выглядели почти обычно. Один – в центре – огромный, глыбоподобный мужик с настолько могучей шеей, что голова на ее фоне казалась совсем маленькой. Другой коренастый, с длинными, до колен, мощными руками. Глядя на него, Док почему-то подумал, что это телохранитель. Третий – державшийся несколько позади – имел совершенно нормальные пропорции тела. На нем была надета какая-то мантия или ряса – так сразу и не поймешь – с глубоким капюшоном, из-за которого лицо совсем не просматривалось. А вот другие десять... Непропорциональные – разные руки и ноги,

² Кабельтов – 182,88 метра.

вместо головы какие-то небольшие возвышения с крупными выпуклыми глазами и почти полным отсутствием как черепной коробки, так и, наверное, мозга. Оглядывая их, Док почувствовал подступившую тошноту, и, борясь с ней, он откашлялся и пробормотал:

*О, как ты погран, жалкий род людской!
Как низко пал! Зачем ты сохранен?
Уж лучше б не рождался ты! Зачем
Так отнимать дарованную жизнь?»³*

– Что ты там бормочешь, Чужак? Кто тебе разрешил вякать?! – густым басом проревел могучий предводитель.

– С каких это пор ты здесь командуешь, Калган? – спокойно спросил Дед. – Может, и мне у тебя надо спрашивать разрешения, а?

– А-а-а, Целитель!.. Заступничек... Здесь или не здесь, но ты тоже ответишь за все! – снова пробасил предводитель.

– Вот и скажи, с чем пожаловали, какие у вас к нам вопросы? Может, кто из вас заболел, или исцелить кого надо, – так же невозмутимо, с легкой издевкой произнес Дед.

От этих слов Калган дернулся. Тут же к предводителю подскочил Капюшон и что-то зашептал на ухо. Тот, отклонившись назад, внимательно выслушал шептуна и процедил сквозь зубы:

– Я забираю вот этих троих. Они вчера убили моего брата – вот он убил! – и показал пальцем на Дока. – Они убили еще четверых моих лучших людей... Они должны ответить за это!

– погоди, Калган, спешишь, однако. Ты же сам знаешь, что это твои люди напали на моих гостей, и они просто защищались.

– Твоих гостей, – прошипел Калган, – с каких это пор ты стал защищать всяких пришлых оборванцев? – Текс, услышав эти слова, уже открыл рот, собираясь что-то сказать, но Дед положил ему руку на плечо и ответил:

– С каких пор? А с тех пор, как их принял Заповедник. И ты сам знаешь, что это значит, и знаешь, чего это здесь стоит!

– Чего стоит, чего стоит! – зловеще процедил Калган. – Да мне плевать на это. Вот без него, – и он снова указал на Дока, – я отсюда не уйду.

– Калган, – продолжил Дед, – ты же сам понимаешь, что твои люди вчера мало того, что напали на гостей, но они это сделали в Заповеднике. В Заповеднике! – многозначительно повторил Дед. – По всему выходит, что отвечать придется не ребятам и не мне, а твоим людям и тому, кто их послал... И ты это знаешь, – упрямо повторил Дед.

Услышав такие слова, Калган побагровел, и всем стало понятно, что предводитель находится в последнем градусе бешенства. Он уже открыл рот, чтобы отдать команду, но тут телохранитель неожиданно для всех запустил свою длинную руку за спину и резко взмахнул ею... И тут, как вчера, все замерло! Для Дока замерло...

Док неторопливо оглядел неподвижных мутантов замершего с открытым ртом Калгана, его телохранителя, оставшегося в той же довольно нелепой позе с выброшенной вперед рукой. Потом Док увидел, что в его сторону по воздуху плывет большой и, наверное, тяжелый нож. Нож плыл очень медленно, плыл рукояткой вперед. Док отвел взгляд от ножа и глянул на Деда. Тот, так же, как все, был абсолютно неподвижен. Переведя взгляд на висевший прямо в воздухе нож, Док увидел, что тот, приближаясь, очень медленно вращается. Прикинув скорость движения, Док понял, что когда нож повернется острием вперед, то окажется как раз перед его

³ Джон Мильтон «Потерянный рай».

лицом! Он отступил немного в сторону и, протянув руку, легко, прямо в воздухе взял нож за рукоять, крепко сжав ее в кулаке. Однако нож, по инерции продолжая движение, потянул руку Дока назад, и только когда рука вытянулась на всю длину, движение ножа удалось остановить. И тогда Док неожиданно для себя, продолжая обратное движение, с силой метнул нож туда, откуда он прилетел! И все кончилось... Док только успел увидеть, как телохранитель запрокидывается на спину, а из его правого глаза торчит рукоятка тяжелого метательного ножа! Ножа, рукоятка которого секунду назад была в его, Дока, руке.

В этот же миг ошеломляющая слабость и какое-то внутреннее опустошение настигли его, и он, почувствовав сильную дрожь в ногах, опустился сначала на колени, а потом и вообще упал лицом вперед, в мягкую высокую траву поляны.

Глава 7

К Хозяину...

Тяжелое полено с сочным звуком упало в метре от ноги Дока, бесцеремонно вернув его в реальность. Из-за высокой груды колотых дров выглядывало потное, но довольное лицо Кэпа:

– Док, ты не уснул ли, часом? А то скоро обед... Вон наш повар уже супчик сварил, правда, там у него в ведерке еще что-то булькает...

Текс, увидев, что все выжидающе смотрят на него, показал издали кулак и замахал рукой: мол, рано... когда надо, сам позову.

– Может, складывать начнем, а? – спросил Док, кивнув на солидную гору поленьев. Кэп подумал пару секунд:

– Не, потом! Пойду, пожалуй, ополоснусь... пообедаем... отдохнем, а там уж спокойненько и сложим.

Док согласно кивнул головой и стал пристально смотреть на лежащее рядом полено. Полено дрогнуло, один его конец приподнялся, а затем оно само собой покатилося в общую кучу, глухо постукивая по мерзлой земле.

– Эй, эй, – прикрикнул на него Кэп, – колдун хренов, а ну-ка прекрати свои штучки!.. Тебе что дедушка говорил, а? Ишь... разозорничался!

– Все, не буду, не буду, – ответил Док, чувствуя выступившую на лице испарину, и снова откинулся на стенку избушки.

«А ведь впервые мне это удалось без большого напряжения и предварительного настроения. Просто подумал, потом захотел, и полено поползло в сторону, – размышлял Док, – однако сердечко от такого усилия заколотилось, как заячий хвостик, и в пот бросило. Проще было встать и зашвырнуть полено руками – меньше усилий и для здоровья полезнее...»

Так, думая о своих открывшихся способностях, Док снова мысленно вернулся к бурным первым дням жизни в новом мире – Замирье! – горько усмехнулся он. Сколько же раз ему потом виделся тот медленно летящий нож – и во сне, и наяву с открытыми глазами. Рука Дока до сих пор помнила эту шершавую рукоятку, ощущала холодную тяжесть оружия.

Тогда этим броском ножа встреча и закончилась. Переговорщики ретировались каждый в свою сторону: Дока унесли в избушку, а Калган с Капюшоном умчались назад, в Трущобы, оставив убитого лежать на поляне. Кэп с Тексом сначала всполошились, глядя на упавшего Дока, ибо они так и не успели ухватить взглядом и потому не поняли, что же произошло и как вдруг у телохранителя в глазу появился ножик. Потом в избушке Дед оглядел Дока и сказал, что он просто спит, через часок встанет, и в двух словах рассказал ребятам, что же на самом деле произошло.

Док тогда проспал около двух часов – глубоко, без сновидений, и проснулся, лишь когда Кэп принялся его настойчиво будить:

– Вставай, герой, завтрак готов... Док!.. Вставай же!..

– Ага, встанет он, как же, – со смешком встрял Текс, – он ведь, как Илья Муромец, после подвига будет спать тридцать три года и три месяца, силы копить. Слушай, – вдохновенно спросил Текс, – а может, сказки и не врут, а? Может, в древности богатыри тоже противодействовали разной там магии и колдовству, а потом годами лежали, сил набирались... или сами были колдунами и магами, а? Вон, видишь, наш Док всего-то и делов, что малюсенький ножичек поймал на лету и пырнул им... нехорошего человека... Так и то дрыхнет без задних ног уже пару часов... Ну и пусть дрыхнет... нам больше достанется, – с явной подначкой продолжил Текс и провоцирующе загремел крышкой котелка... По комнате разлился запах самой заправдашной ухи. Док открыл глаза и рывком сел. Все трое уже сидели за столом и, улыбаясь,

смотрели на него. Обед – вернее, поздний завтрак – прошел в какой-то спокойной, даже веселой, дружеской обстановке. Впрочем, Кэп, как всегда, больше молчал, лишь изредка вставляя короткие реплики. Дед, против обыкновения, явно был в хорошем настроении и частенько похихатывал шуточкам Текса, который, в свою очередь, чувствуя внимание слушателей, старался вовсю! Он успевал и шутить, не закрывая рот, и не отставать от других едоков. Док, чувствуя зверский голод, уписывал за обе щеки, улыбаясь шуточками и хохмам Текса. Позавтракали. Кэп поерзал на табуретке и осторожно спросил:

– Деда, а в вашем мире курево случайно не водится? А то аж уши пухнут.

– Да почему не водится? Очень даже водится. Вон в Трущобах порой курят такую отраву... Я-то никогда не курил... Ладно, погодь, где-то было, пойду гляну, – и Дед пометел в свой сарайчик. Пропадал он там минут пятнадцать, пришел пыльный, но довольный и протянул Кэпу пачку.

– Боже мой, дедушка, где ты раздобыл такую древность? – В руках Кэпа оказалась пачка настоящего «Казбека», в плоской картонной коробочке, которую мы все стали с ностальгией разглядывать.

– Точь-в-точь такие же мы начали курить в пятом классе, ну, помнишь, когда девчонки на нас наябедничали, и потом родителей вызывали в школу, – уточнил Док.

– Еще бы не помнить, – довольно щурясь, прошепелявил Кэп, прикуривая папироску, – только вас выпороли, и вы завязали с куревом, так и не начав, а вот я – нет. – Кэп затыкнул, глаза его затуманилась. – Красота! Спасибо, деда!

– Так... курить на улку, нечего избу поганить! – прикрикнул тот, и мы высыпали на скамеечку, под теплое, хоть и сентябрьское солнце. Кэп сначала дымил как паровоз, остальные – переваривали завтрак. Потом, накурившись, он аккуратно загасил папироску и сказал, обращаясь к Деду:

– Ну что, отец? Коль мы оказались в твоём мире, где нам, может быть, придется прожить оставшуюся жизнь, поговорим? Рассказывай, знакомь с твоим миром... Замирем, иначе мы не сможем найти дорогу домой, куда мы все-таки очень хотим вернуться.

– Мы будем пытаться искать эту дорогу – пока живы или пока останется хоть капелька надежды. У нас дома остались близкие, – перебил Кэпа Текс.

– Да, он прав – у нас есть родные, друзья и множество незаконченных дел, поэтому самое главное – мы хотим вернуться, и ты нам поможешь найти дорогу. Спросишь, почему я решил, что ты можешь ее знать? А кто же еще, если не ты? Ведь ты, дедушка, очень необычный человек...

– ...колдовство тебе ведомо, – добавил Док.

– Ну, насчет колдовства и потаенных способностей Доку бы помолчать, – сказал Текс. – Надо еще с тобой разбираться, где ты научился таким штучкам?

– Да и с этим будем разбираться. Возможно, необычные способности Дока и окажутся тем ключом, что отпирает дверку в наш мир, а? Ведь только благодаря Доку мы сидим здесь, а не гнием где-нибудь в ваших Трущобах, и это факт! – Кэп помолчал и, с сожалением глянув на пачку папирос, продолжил:

– Ты, дедушка, наверняка должен знать, есть ли возможность нам вернуться. А такая возможность – я нутром чую! – должна быть, иначе как объяснить, что кто-то начал охоту на нас. Раз начал, значит, этот кто-то прибыл сюда другим путем, причем прибыл заранее...

– Или кто-то из нашего мира, – добавил Текс, – смог сообщить о нас, и этот Некто в здешнем мире стал действовать. А это тоже зацепка...

– Да, – мельком глянув на Текса, согласился Кэп, – это зацепка. В общем, отец, если ты не можешь нам указать дорогу, то рассказывай обо всем подробнее. И про ваш мир, и про тех, кто и где здесь живет, кто верховодит в Трущобах. И какие последствия нас ожидают после всех

разборок. Нам надо знать все, что знаешь ты, дедушка. Ну а если у тебя к нам есть вопросы – а они у тебя точно есть, я это чувствую...

– И мы даже знаем, к кому они относятся, – опять перебил Кэпа Текс, глянув при этом на Дока...

– ...то мы ответим на все твои вопросы, – закончил свою речь Кэп. – Давай, дедуля!

Дед, выслушав его, хмыкнул и, криво усмехнувшись, заявил:

– Робятки, должен вас сразу огорчить и сказать честно: я не знаю, как вам вернуться назад! Вот хоть режьте меня на куски, но обратная дорога мне неведома, и я не знаю, есть ли она вообще. Хотя... не удивлюсь, что такая дорога может быть. Из всех, кого Серый Туман ко мне приводил, большинство с ним же и уходило, а те, кто оставался – таких совсем мало, – те до сих пор живут в нашем мире, кто жив, конечно. Вот вам и вся правда!

После этих слов в избушке повисла напряженная тишина.

– Хорошо, деда, – криво усмехнувшись, произнес Кэп, – рассказывай о том, где, по твоему мнению, может начинаться эта дорога.

– А чего тут думать? Дорога может начинаться только там, где вы и появились в нашем мире...

– Что, там, вверху на тропе?

– Нет, здесь, в Заповеднике... И эту дорогу, если она есть, знает только Хозяин Заповедника.

– Так веди нас к нему, что тянуть-то! – азартно воскликнул Текс.

– Ишь, приткий какой! Веди его? А ты уверен, что Хозяин захочет разговаривать с вами, а? – усмехнулся Дед.

– А мы попросим его! Не захочет, заставим! – вновь азартно брякнул нетерпеливый Текс. – Вон у нас Док какие штучки вытворяет... Он поднапряжется и заставит его помочь.

– Погодите, ребята, кончайте тарыхтеть. Пусть дедушка нам расскажет все о своем мире. И о войне, и о Заповеднике, и о его Хозяине. Я чую, что этот Хозяин не так прост. Думаете, мы одни такие здесь побывали? Наверняка наши предшественники пытались домой вернуться. И коль они остались здесь, то Хозяина просто так и не попросишь и тем более не заставишь. Так что, отец, давай по порядку....

Глава 8

Монти и Заповедник

– Ладноть, давайте по порядку. Значит, про Заповедник... У нас он всегда был чем-то особенным. Никто и никогда его не выделял, не устанавливал границы, как в вашем мире, никто его не охранял...

– А ты, деда, откуда знаешь, КАК в нашем мире? Иль бывал у нас? – с невинным видом встрял Текс.

– А ты, сопляк, прости Хосподи, не лови меня на слове. Говорю ж – не вы первые приходите сюда, и у всех Заповедник возле города был, но только у нас он вроде и есть, и вроде его нет.

Просто когда люди годков триста назад пришли сюда с вашей Руси, здесь была тайга и скалы чудные. И уже тогда эта часть тайги, на правом берегу Реки, жила по своим законам. Если кто приходил в эти места добыть себе еду – он добывал и уносил. Если кто приходил убивать для наживы, то из тайги не уходил никогда. Просто умирал, и все. Или сразу же от зверя, или немного погодя. Заповедник всегда знал, с чем приходит человек. Заповедник вообще не любил, когда люди заходили к нему. Человек, отягощенный злом, плохой человек, всегда в Заповеднике чувствовал себя неуютно. У него шибко голова начинала болеть, немощь развивалась такая, что ноги подкашивались. Даже чистые и добрые люди чувствовали себя по первости не очень-то хорошо в Заповеднике, хотя они всегда могли выйти назад. Заповедник не любил и празднующихся. А когда у собравшихся в Заповедник появилось оружие, вход в него сразу же был закрыт таким людишкам...

Дед помолчал, а потом спросил:

– Вот у вас, в Замирье, люди ходят в Заповедник просто отдохнуть, по камням диковинным полазить, силушку потешить, костры пожечь, песни погорланить, так?

– Да, дедушка, так. И мы в Заповедник для этого же ходили...

– Ну вот! А в нашем мире по камням никто не лазил. В прежние года, бывало, как кто полезет – если сможет дойти до скал, конечно, – так тут же срывался наземь и убивался.

– Погоди, погоди, дедушка, – перебил его Текс, – как это: когда появилось оружие? А у тебя что, не карабин, что ли? А нам ты что, детский пугач дал, а не «ТТ»?

– Тьфу на тебя! Воистину, то, что разумный поймет с полуслова, то недотыкомка, вроде тебя, и за всю жизнь не осилит. – Дед хлопнул с досадой себя по ногам и, вскочив, в ажиотаже пробежался по поляне.

– Ладно, деда, прости его, глупого, – сказал Кэп и показал Тексу свой совсем не маленький кулак, – продолжай!

Дед постоял еще немного в отдалении и, подойдя, нахмурясь, заявил:

– Сбили вы меня с мысли, злыдни этикие! Я и так не мастак языком чесать, отвык в тайге-то, а тут ишшо ваши подковырки... – Дед пожевал губами и продолжил: – В общем, так: в том камне, который в вашем мире – в Замирье – называют Вторым, и живет Хозяин Заповедника.

– Прямо так в камне и живет? – начал было Текс, но, получив чувствительный удар в бок крепким кулаком Кэпа, охнул и замолк.

– В опчем, хотите спытать судьбу – валяйте! Ступайте к Хозяину. Шагайте прямо сейчас. Хозяин утром проснулся. А это нечасто бывает! Вот он, – и Дед показал пальцем на Дока, – почуял это. Так? – и испытующе глянул прямо в глаза Дока.

– Ну... я не понял, я почувствовал, что кто-то на меня посмотрел... Кто-то большой и сильный, и мне стало страшно, – подумав секундочку, честно признался Док. – Будто меня, голого, лучом света озарили....

– Верно, это Он и был. И поспешайте, други. Он не спит уже целый день, но иногда... В опчем, если не застанете его... Впрочем, что это я пустозвоню: не застанете... уснет! Вот старый дурень! Если Он вас пустит! Если Он захочет! Разговорился... Если Он захочет, то покажет вам путь домой. Но особо не надейтесь – отсюда еще никто не уходил. Он никому не то что не помогал, а никто его и не видел. Не смог увидеть.

– А ты, деда, его видел?

– Видел.

– А он вообще кто? Какой он? Он человек?

Дед помолчал, раздумывая. И уже совсем собрался что-то сказать, но потом махнул рукой и отвернулся:

– Ниче не буду говорить. Сами увидите... коль Он позволит. Хотя вы не увидите, потому и не говорю. Но вы ведь не отвяжетесь, настырные, знаю. Собирайтесь и топайте. Берите с собой самое необходимое – идти-то недалеко, пяток километров всего-то...

Потом дедушка немного помолчал и продолжил:

– Лет пятнадцать назад пришел ко мне из Серого Тумана человек вашего мира. Старичок уже, прохвессор какой-то. Травки все изучал разные да деревья. Как же он называл себя... банник... бортник...

– Ботаник, наверное? – подсказал Кэп.

– Во, во, ботаник.

– Погоди, погоди, деда... А как его звали? Ну – фамилию его не помнишь? – вдруг заинтересованно спросил Текс.

– Как не помнить, помню – столько лет прожили бок о бок! А фамилия его... не русская какая-то, из иудеев он, что ли, был...

– Не Марк ли, случайно, Соломонович? Исерсон? Так?

– Точно, паря! Марк! А ты-то откель знаешь? – и чуточку подумав, задумчиво произнес: – Вот вы давеча спрашивали, из-за чего началась война атомна? Так вот меня об этом все пытал и Марк... Только чичас вспомнил: Карибский кризис – так он назвал причину войны, и что в вашем Замирье он гладко прошел, а вот у нас... – и Дед развел руками.

– Да, – задумчиво протянул Док, – значит, нам повезло! А что там про Марка ты говорил? – спросил он у Текса.

– Ха! – И Текс в ажиотаже с силой хлопнул себя по ногам. – Мне бы да не знать! Мы ж его сколько по Заповеднику тогда искали. Все с поисковиками исходили. И здесь, на этой полянке, бывали... Знать бы тогда!

– Знать, знать! – передразнил его Кэп. – Ну и что бы произошло, заикнись ты о Замирье?

– Да на Курчатова, в психушку, упекли бы его, и всего делов-то! А там получше небось, чем здесь, – ехидно добавил Док.

– Понимаете, парни, – не обращая внимания на наши подковырки, возбужденно продолжал Текс, – в начале 90-х пошел в Заповедник и пропал профессор Исерсон. Ну, из нашего пединститута, заведующий кафедрой биологии. Хороший дядька был. Знавал я его мельком. Шу-у-умная тогда история с его исчезновением была. Ушел в Заповедник и как в воду канул. Тогда пресса подняла такой вой о поднимающем голову антисемитизме! У-у-у! Думали, что наики его грохнули и закопали где-то. Даже привлекали за это кого-то, но все ничем и закончилось... А он вон куда попал...

– Ну, так что ты, деда, про него-то начал? – перебил Док рассказ Текса.

– Дык прохвессор этот сначала сильно тосковал. Вот я его тогда и послал к Хозяину.

– Ну, ну?

– А что ну? Не дошел он даже до самого камня. Рассказывал мне потом, что за километр до камня стал его страх неведомый одолевать. Вот, – говорил он, – страшно, и все! Беспричинно страшно. Настоящий ужас! Как к камню подошел, так вообще ноги стали подка-

шиваться, а потом совсем повернулся и дал деру. И даже не помнил, как бежал. А дальше, с каждым шагом назад, страх все уменьшался и уменьшался... Потом он еще раз три пытал судьбу, да так и не смог. Здесь и помер в прошлом годе... Вон там, на опушке, я его похоронил... – И Дед махнул рукой в сторону...

Все замолчали.

– Деда, а чего он боялся? Почему страх приходил? – спросил Док, поглаживая перевязанную руку.

– А вот не знаю, робятки, не знаю... Я туда свободно хожу. Когда придется, возле Камня иногда ночую – там удобное местечко есть, – и ниче, никакого страха. А вот он сказывал, что страх тот без причины как будто сверху его ударял, и бороться с ним ну никак невозможно. – Дед помолчал и добавил: – А Соломоныч в тот первый раз прибежал весь белый, без кровинки в лице, и потом сутки отлеживался!

– Вот новости! И нас, выходит, тоже пугать будут? – хмуро осведомился Текс.

– А вот придете и мне расскажете – будут вас пугать или нет, – серьезно промолвил Дед.

– Ну что, пацаны, хватит языками чесать, пошли, что ли? – сказал Док, легко и упруго поднимаясь со скамеечки.

– Погодите! Еще к тебе вопрос, деда! – вдруг спросил Кэп. – Те, кто сюда поутру приходил... Ты их всех знаешь?

– Ну, вроде да, знаю! Калган – личность известная. Он Атаман всего Левого берега. Очень страшный человек – жалости ни к кому не имеет. Дале! Рука – ну тот, кого ваш Док ножичком пощекотал – главный после Калгана. Человек большой силы! Был, – пряча усмешку в бороду, добавил Дед. – Ну а остальные – те вообще не люди – Безголовые. Они без Руки сами ничего и делать не могут. Их всех мои волки и рыси уже пожрали, должно быть.

– А тот, в капюшоне? Он кто?

– Дык вот его-то я и не знаю. Морду я его не разглядел. И ранее про такого не слыхивал. Но, похоже... важная персона. Даже Калган его слушался.

– А вам, ребята, он никого не напоминает? – вдруг просил Кэп, глядя на нас.

– Ты что, совсем сбрендил? – покрутил у виска Текс. – Нам-то откуда знать?

– А вы подумайте хорошенько, вспоминайте, у кого видели такие движения, такую походку, жесты?... Ну, ну? Кого он вам напоминает?

Док и Текс недоуменно уставились друг на друга. Наконец Док перевел взгляд на Кэпа:

– Да ну.... Откуда ему здесь взяться? И не просто взяться, а уже быть советчиком у этого... Калгана!

– Да о ком это вы?! – заорал Текс?

– Знаешь, похоже, Кэп прав! Это был Монти! Так и не догнавший нас друг детства.

– Или, наоборот, перегнавший, – закончил мысль Кэп.

И все трое озадаченно уставились друг на друга.

– Нет, ерунда! Не верю! Мало ли похожих людей, – эмоционально бросил Текс и принялся расхаживать вдоль избушки.

– А знаете, почему я подумал о том, что это наш Монти, наш друган детства?

– Ну?

– Я за три дня до похода был у него дома, я вам говорил об этом! Мы с ним кое-что обкашляли. Так вот, когда я зашел к нему в комнату, на диване у него лежал странный плащ – точь-в-точь по цвету и покрою, как на этом... советчике. Он его тогда поспешно свернул. Вот все утро я сегодня и вспоминал, где же я видел такую одежду, у кого?... Ну и вспомнил. А потом представил на месте этого... советчика нашего Монти, и все встало на свои места: фигура, рост, движения, походка... Вот нам и надо думать, в чем тут загвоздка и в какой такой переплет, а главное – почему – мы попали. И сильно мне сдается, что разгадка в нашем дружке Монти, который каким-то боком замешан, и... в тебе, – закончил Кэп, в упор глянув на Дока.

Глава 9

Поход к Хозяину

Идти решили с утра. Втроем. Хотя Дед и предлагал их до половины пути сопроводить.

– А пошто не до камня? – дедовым тоном спросил Кэп.

– Дык до камня мне можно только одному итить. Так что топайте, други, по утреннему холодку одни.

Вещички к походу уложили еще днем, а остаток дня и весь вечер сидели у костра, прикидывали и так, и эдак насчет Монти-Мотажника, их старого школьного друга. И когда у всех уже ум за разум заплелся, то Дед сказал:

– Робятки, нечего вам из пустого в порожнее переливать, главное не это, главное – Хозяин. Вот когда вернетесь, тогда и думать будете. Все решит он.

Ночь спали беспокойно. Да, в общем-то, сна как такового не было – так, дремота, поэтому встали рано, хмурые и невыспавшиеся. От еды, что сварил Дед, отказались, только по кружечке чая и выпили.

На хребет, где шла основная тропа, с ними поднялся Дед, а дальше они пошли уже втроем, да еще Шарик.

– Он подмогнет, коли что. Его все звери знают, – напоследок бросил Дед. И они ушли по едва заметной тропке – совсем не такой, как в их мире. Шли молча, в том же порядке, что в прошлый поход к Городу. Только Шарик бежал то спереди, то отставал, и когда Док его видел, то ему начинало казаться, что собака встревожена. Через час пути они подошли к камню, с которого открывался вид на все Скалы. И там, не удержавшись, поднялись на вершину – благо ход туда был простецкий, и даже Док со своей рукой справился с подъемом легко. А сверху открылся с детства знакомый вид на тайгу, на их родные и такие знакомые скалы, что у всех сердце защемило, и на какой-то миг вся эта история показалась им дурным сном. Вот сейчас они спустятся и пойдут домой, по знакомой и широкой тропе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.